

Кто мыслит абстрактно?

Г.В.Ф. Гегель

Статья Г.В.Ф. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» в популярной и ироничной форме обосновывает парадоксальный тезис о том, что склонность к абстрактности отнюдь не специфический признак теоретического мышления, а напротив, она характерна для обыденного и крайне стереотипного мыслительного процесса. В кратком предисловии к статье, во-первых, приводятся сведения о времени ее написания и русских переводах; во-вторых, аргументируется необходимость ее повторной публикации.

Ключевые слова: абстрактное мышление, абстракция, общество.

Предисловие к публикации

Психологические и педагогические идеи В.В. Давыдова опираются на мощное философское основание, одним из центральных столпов которого служила философия Г.В.Ф. Гегеля (1770 — 1831). Сам В.В. Давыдов в своих лекциях неоднократно с гордостью называл себя гегельянцем, а в публикациях сетовал на то, что «многие идеи, имеющиеся в гегелевской диалектике, в должной мере не восприняты психологией и педагогикой при рассмотрении развития умственной деятельности детей» (Теория развивающего обучения. М., 1996. С. 59). Публикуемая ниже статья Гегеля в популярной форме обосновывает парадоксальный тезис о том, что склонность к абстрактности отнюдь не специфический признак теоретического мышления, напротив, она характерна для обыденного и крайне стереотипного мыслительного процесса. Долгое время считалось, что статья эта написана Гегелем в последние годы жизни, однако исследователи творчества философа доказали, что она появилась весной или ранним летом 1807 г. (т. е. вместе с выходом первого крупного философского произведения Гегеля — «Феноменология духа»).

Один из переводов с немецкого сделан Э.В. Ильенковым и опубликован в «Вопросах философии» (1956, № 6). Данная публикация основана на более позднем издании этого перевода в редакции А.В. Гулыги (см.: *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 387—394), на которое, между прочим, ссылается и В.В. Давыдов в своей работе «Виды обобщения в обучении» (1972).

Б.Г. Мещеряков

Мыслить? Абстрактно? Sauve qui peut! — «Спасайся, кто может!» — наверняка завопит тут какой-нибудь наемный осведомитель, предостерегая публику от чтения статьи, в которой речь пойдет про «метафизику». Ведь «метафизика» — как и «абстрактное» (да, пожалуй, как и «мышление») — слово, которое в каждом вызывает более или менее сильное желание удрать подальше, как от чумы.

Спешу успокоить: я вовсе не собираюсь объяснять здесь, что такое «абстрактное» и что значит «мыслить». Объяснения вообще считаются в порядочном обществе признаком дурного тона. Мне и самому становится не по себе, когда кто-нибудь начинает что-либо объяснять, — в случае необходимости я и сам сумею всё понять. А здесь какие бы то ни было объяснения насчет «мышления» и «абстрактного» совершенно излишни; порядочное общество именно потому и избегает общения с «абстрактным», что слишком хорошо с ним знакомо. То же, о чем ничего не знаешь, нельзя ни любить, ни ненавидеть. Чуждо мне и намерение примирить общество с «абстрактным» или с «мышлением» при помощи хитрости — сначала протаскив их туда тайком, под маской светского разговора, с таким расчетом, чтобы они прокрались в общество, не будучи узанными и не возбудив неудовольствия,

затесались бы в него, как говорят в народе, а автор интриги мог бы затем объявить, что новый гость, которого теперь принимают под чужим именем как хорошего знакомого, — это и есть то самое «абстрактное», которое раньше на порог не пускали. У таких «сцен узнавания», поучающих мир против его желания, тот непростительный просчет, что они одновременно конфузят публику, тогда как театральные постановщики хотели бы своим искусством снискать себе славу. Его тщеславие в сочетании со смущением всех остальных способно испортить весь эффект и привести к тому, что поучение, купленное подобной ценой, будет с негодованием отвергнуто.

Впрочем, даже и такой план осуществить не удалось бы: для этого ни в коем случае нельзя разглашать заранее разгадку. А она уже дана в заголовке. Если уж замыслил описанную выше хитрость, то надо держать язык за зубами и действовать по примеру того министра в комедии, который весь спектакль играет в пальто и лишь в финальной сцене его расстегивает, блистая Орденом Мудрости. Но расстегивание метафизического пальто не достигло бы того эффекта, который производит расстегивание министерского пальто, — ведь свет не узнал тут ничего, кроме нескольких слов, — и вся затея свелась бы,

собственно, лишь к установлению того факта, что общество давным-давно этой вещью располагает; обретоено было бы, таким образом, лишь название вещи, в то время как орден министра означает нечто весьма реальное — кошель с деньгами.

Мы находимся в приличном обществе, где принято считать, что каждый из присутствующих прекрасно знает, что такое «мышление» и что такое «абстрактное». Стало быть, остается лишь выяснить, кто мыслит абстрактно.

Как мы уже упоминали, в наше намерение не входит ни примирить общество с этими вещами, ни заставлять его возиться с чем-либо трудным, ни упрекать за легкомысленное пренебрежение к тому, что всякому наделенному разумом существу по его рангу и положению приличествует ценить. Напротив, намерение наше заключается в том, чтобы примирить общество с самим собой, поскольку оно, с одной стороны, пренебрегает абстрактным мышлением, не испытывая при этом угрызений совести, а с другой — всё же питает к нему в душе известное почтение, как к чему-то возвышенному, и избегает его не потому, что презирает, а потому, что считает его чем-то чересчур высоким и значительным; оно избегает его не потому, что мнит чем-то слишком вульгарным и пошлым, а потому, что почитает его за нечто чересчур аристократическое или же, наоборот, за нечто особенное, что французы называют «есресе», чем в обществе выделяться неприлично и что не столько выделяет, подобно новому наряду, сколько отделяет от общества или делает смешным, вроде лохмотьев или чрезмерно роскошного одеяния, украшенного драгоценными камнями и старомодными кружевами.

Кто мыслит абстрактно? — Необразованный человек, а вовсе не просвещенный. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто, слишком неблагородно (не в смысле принадлежности к низшему сословию), и вовсе не из-за тщеславного обесценивания того, что не в силах делать, а по причине внутреннего ничтожества и пустоты этого занятия.

Почтение к абстрактному мышлению, имеющее силу предрассудка, укоренилось столь глубоко, что те, у кого тонкий нюх, заранее почуют здесь сатиру или иронию, а поскольку они читают утренние газеты и знают, что за сатиру присуждается премия, то они решат, что мне лучше постараться заслужить эту премию в соревновании с другими, чем излагать здесь свою затею сразу и без хитростей.

В обоснование своей мысли я приведу лишь несколько примеров, из которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так.

Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца — и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание может вызвать возмущение в толпе: «Как? Убийца — красив? Можно ли думать столь дурно, можно

ли называть убийцу — красивым? Сами, небось, не намного лучше!» «Это свидетельствует о моральном разложении, царящем в высшем свете», — добавит, быть может, священник, привыкший глядеть в глубину вещей и сердец.

Знарок же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших этого преступника, откроет в истории его жизни, в его воспитании влияния дурных отношений между отцом и матерью, обнаружит, что некогда этот человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что путь преступления стал единственным возможным для него способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые — доведись им услышать такие рассуждения — скажут: «Он хочет оправдать убийцу!» Помню же я, как в дни моей юности некий бургомистр жаловался на сочинителей, которые дошли-де до того, что пытаются подрывать основы христианства и правопорядка, а один из них даже осмелился оправдывать самоубийство — подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания молодого Вертера».

Это и называется «мыслить абстрактно» — видеть в убийце только одно абстрактное, что он убийца, и называнием такого качества игнорировать в нем все прочие качества человеческого существа.

Иное дело — утонченно-сентиментальная светская публика Лейпцига. Эта, наоборот, вплетала венки в колесо и усыпала цветами привязанного к нему преступника. Однако это опять-таки абстракция, хотя и прямо противоположная. Христиане любят выкладывать крест розами или, скорее, розы крестом, сочетать розы и крест. Крест — это очень давно превращенная в святыню виселица или колесо. Он утратил свое одностороннее значение орудия позорной казни и совмещает в одном образе высшее страдание и глубочайшее унижение с радостнейшим блаженством и божественной честью. А вот лейпцигский крест, увитый маками и фиалками, — это умиротворение в стиле Коцебу*, разновидность распутного примиренчества — сентиментального и дурного.

Мне довелось однажды услышать, как совсем поиному расправилась с абстракцией «убийцы» и оправдала его одна наивная старушка из богадельни. Отрубленная голова лежала на эшафоте, и в это время засияло солнце. «Ведь это так прекрасно, — воскликнула она, — милосердное солнце господнее освещает голову Биндера!»** «Ты не стоишь того, чтобы тебя солнце озаряло», — говорят часто, желая выразить осуждение. Старушка же увидела, что голова убийцы освещена солнцем и, стало быть, достойна того. Она вознесла казненного с плахи эшафота в лоно солнечного милосердия бога и осуществила умиротворение не с помощью фиалок и сентиментального

* Коцебу Август фон (1761—1819) — немецкий драматург и русский дипломат, занимавшийся издательской и политической деятельностью, противник либеральных идей. — Прим. Б.М.

** Тегель выделяет имя казненного, желая, видимо, подчеркнуть, что старушка назвала его конкретным именем, а не абстрактным названием — «убийцей». — Прим. Б.М.

тщеславия, а тем, что увидела убийцу приобщенным к небесной благодати солнечным лучом.

«Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами», — сказала покупательница торговке. «Что? — вспыхнула та. — Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! У которой отца вши в канаве заели, а мамаша якшалась с французами! Ты, у которой бабка померла в богадельне! Ишь целую простыню на свой платок извела! Знаем, откуда у тебя все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, такие, как ты, не щеголяли бы в нарядах! Порядочные-то женщины больше за своим домом смотрят, а таким, как ты, самое место в каталажке! Заштопай лучше дырки на чулках!»

Короче говоря, обидевшаяся торговка не допускает в покупательнице ни крупицы хорошего. Она мыслит вполне абстрактно и всё — от платка до чулок, с головы до пят, вкупе с папашей и всей остальной родней — подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми. Всё оказывается в ее голове окрашенным в цвет этих тухлых яиц, тогда как те офицеры, которых она упоминала, — если они вообще имеют к этому какое-нибудь отношение, что весьма сомнительно, — предпочли бы заметить в этой женщине совсем иные детали...

Но оставим в покое женщин; возьмем, например, слугу — нигде ему не живется хуже, чем у человека низкого звания и малого достатка; и, наоборот, тем лучше, чем благороднее его господин. Про-

стой человек и тут мыслит абстрактно, он важничает перед слугой и относится к нему только как к слуге; он крепко держится за этот единственный предикат. Лучше всего живется слуге у француза. Аристократ фамильярен со слугой, а француз ему даже добрый приятель. Слуга, когда они находятся вдвоем с хозяином, как это явствует из «Жака и его хозяина» Дидро, болтает всякую всячину, а хозяин при этом покуривает себе трубку да поглядывает на часы, ни в чем его не стесняя. Аристократ знает, что слуга не только «слуга», что ему, кроме всего прочего, известны все городские новости и девицы и что голову его посещают совсем недурные идеи. Обо всем этом он слугу расспрашивает, и тот может свободно говорить о том, что интересует господина. У хозяина-француза слуга смеет даже рассуждать, иметь и отстаивать собственные мнения, а когда хозяину что-нибудь от него нужно, он не станет просто приказывать, а постарается сначала втолковать свое мнение, да еще и ласково заверит, что лучше этого мнения и быть не может.

То же самое различие и среди военных; у пруссаков положено бить солдата, и солдат поэтому каналья; ибо тот, кто обладает лишь пассивным правом быть битым, и есть каналья. Посему рядовой солдат и выглядит в глазах офицера как некая абстракция должествующего быть битым субъекта, с которым господин в мундире с португеей вынужден возиться, хотя и для него это занятие чертовски неприятно.

Who thinks abstractly?

G.W.F. Hegel

The article by G.W.F. Hegel "Who thinks abstractly?" proves, in a popular and ironic manner, the paradoxical thesis that the disposition towards abstraction is by no means the specific characteristic of theoretical thought, but of extremely stereotype thinking process. A brief foreword to the article gives some information on the time of its writing and on Russian translations, and points out the necessity of its republishing.

Keywords: abstract thought, abstraction, society, who thinks abstractly.